

Чжу Лин всегда хранил в сердце незабываемую первую любовь — свой «белый лунный свет», и Цзи Кай знал об этом еще до свадьбы. Тогда он не придавал этому значения и не выражал недовольства. Ему лишь казалось, что Чжу Лин, вспоминая о ней, выглядит одновременно по-детски наивно, возмущенно и немного обиженно, отчего кажется ужасно милым и вызывает искреннее сочувствие.

В личном профиле Чжу Лина всегда хранились фотографии Е Инь. Их было всего три: одна — маленькое фото на документ из выпускного альбома, вторая — общая фотография всего потока, где едва удавалось разглядеть лицо, и третья — случайный снимок, на котором размытый профиль виднелся где-то на заднем плане. Но Чжу Лин берег их как святыню и годами не поднималась рука удалить.

Цзи Кай прощал ему эту слабость. В конце концов, все когда-то были молодыми — у самого Цзи Кая не было такой первой любви, зато среди его близких друзей подобные истории встречались. Он наслушался от приятелей восторженных описаний их первых чувств и вполне мог понять ностальгию Чжу Лина по ушедшей юности.

Однако позже Е Инь тоже попала в шоу-бизнес и превратилась в белокожую красавицу-звезду. И когда Чжу Лин начинал залипать на рекламу безсахарного печенья с участием этой Маленькой феи, Цзи Кай уже не проявлял такого великодушия.

Сказать, что он не ревновал и не закатывал глаза — означало бы соврать. Иначе он не узнал бы Е Инь с первого взгляда, едва открыв дверь и увидав ее вживую.

...

— Ты не знаешь А-Инь. На самом деле она очень добрая и чистая душой, — произнес Ли Вэйду мягким голосом.

— ...

— Просто она слишком легко верит людям и постоянно попадает на удочку, поэтому рядом с ней всегда должен кто-то находиться, чтобы беречь ее и защищать.

Цзи Кай же чувствовал себя совершенно выбитым из колеи: он впал в какой-то шок лагранжевых масштабов, и в нем резко проснулась жажда разрушения. Хотя он прекрасно понимал, что маленькая беленькая калитка, заборчик и тянущиеся за ними подсолнухи принадлежат чужому дому, ему до чесотки хотелось подбежать и растоптать там все к чертям!

Добрая...?

Да Е Инь в лучшем случае просто «выглядит безобидно»!

Разве может быть доброй та, которая со слезами и истерикой угрожает чужому мужу: «Если не приедешь, я сброшусь с крыши»?! Даже самые бессовестные дряни, которых он встречал, не опустились бы до подобного!

Цзи Кай еще никогда не ощущал такой несправедливости мироздания. Черт возьми, да настоящий-то добрый и безобидный человек здесь — это я! И моральные устои у меня кремнистые! Но как назло, рожей не вышел — свирепый и brutальный, вот никому до меня и дела нет, всем плевать, каково мне.

Пока он угрюмо переживал глубокую злобу этого мира, Ли Вэйду добавил:

— К тому же, когда мы только начали встречаться, я обещал ей, что буду заботиться о ней всю жизнь.

...Ха-ха. Ну да, ну да.

Типичный образ страстно влюбленного властного босса: «В этом мире я берегу, балую и люблю только тебя одну, а остальные для меня — кусок дерьма». М-да-с, о боги! Кому-то действительно везет от рождения, от такой зависти аж позеленеть можно.

Однако, подняв взгляд и посмотрев в лицо Ли Вэйду, Цзи Кай обомлел. И не сдержавшись, фыркнул, а затем бестактно расхохотался.

...Потому что до него наконец дошло: это были вовсе не трогательные любовные слова.

Ха-ха-ха, ха-ха-ха.

Черт! Два! Ни разу! Не! Они!

Полуденное солнце падало на лицо Ли Вэйду, делая его скульптурные черты почти прозрачными, из-за чего он казался невероятно красивым, со строгими и холодными чертами. Но Цзи Кай отчетливо увидел, как под узким моновеком в красивых миндалевидных глазах промелькнул «странный, зловещий огонек».

Точнее не опишешь. В общем, обычным людям такой блеск в глазах явно не свойственен. От него сразу приходят на ум фильмы вроде «Заводного апельсина», «Дитя тьмы», «Пилы», «Дома восковых фигур» и прочие ужастики.

А если вспомнить недавнюю реплику Е Инь: «Он меня когда-нибудь убьет»... Ха-ха.

На душе у Цзи Кая внезапно наступила полная гармония.

Е Инь — та самая незабываемая любовь его Чжу Лина, «белый лунный свет»: миниатюрная, с тонкой талией, белокожая, вся такая сладенькая, сияющая и невесомая. Официальный парень — красавец и богач, да еще и души в ней не чаает, заботится только о ней. Типичный сюжет про обожаемую всеми кроткую героиню. Цзи Кай даже на секунду усомнился, не сбежал ли этот персонаж из любовного романа в трехмерный мир, чтобы мучить простых смертных.

Аха-ха-ха, но на всякого мудреца довольно простоты — она попала в лапы настоящему психу!

Ну и что, что он богат? Что с того, что красив? Что толку от его заботы? Да с таким типом уснуть в одной постели страшно — до смерти перепугаешься! Стоило Цзи Каю представить, каково этой красотке каждый день возвращаться домой и сталкиваться с этим маньяческим, удушающим взглядом бесконечной «заботы на всю жизнь», как от одной мысли настроение поднималось так, что он готов был смеяться даже во сне.

— Ты чего смеешься? — Ли Вэйду помрачнел.

За его спиной сквозь сочную зелень сада пробивалось солнце, и сочные зеленые листья легчайше трепетали.

— А, я? Я... кхм, да я смеюсь над тем, какой вы красивый, директор Ли.

— ...

— Стоите тут на фоне подсолнухов в саду... хм, выглядите невероятно свежо и бодро.

— ...

— Серьезно, очень красивый! Директор Ли, вы не просто хороши собой, у вас еще и совершенно уникальная харизма. Пошли бы сниматься в сериалах — стопроцентно стали бы популярнее Чжу Лина!

Собеседник медленно повернул голову и со странным выражением лица посмотрел на золотистые подсолнухи, ярко сияющие под солнцем. Его тонкие губы неосознанно сжались. Темные, похожие на черные агаты глаза на мгновение блеснули, после чего он быстро нахмурился и опустил взгляд. На холодном и слегка раздраженном лице проступил нелепый легкий румянец.

Э-э?

Погодите-ка!

Что это сейчас за выражение лица было?

Разве этот директор Ли — не высокомерный тип с физиономией зомби, повернутый сталкер и богач-психопат в одном флаконе? Разве он не тот супер-хамоватый мудака, который после целой ночи ухода даже спасибо не сказал, а лишь продолжал сыпать колкостями?

Неужели... под этой холодной и жесткой броней... скрывается мягкий милашка, которого так и хочется потискать?

...

— Погоди-ка!

— А? — Цзи Кай крутил на пальце брелок с автомобильными ключами и, удивленно вскинув бровь, повернулся.

— Ты ведь еще не обедал?

Президент стоял на крыльце у двери с крайне неловким выражением лица:

— Ты проехал такой долгий путь, чтобы привезти нас обратно... Не хочешь зайти и поесть перед дорогой?

«Да нет, я...»

— В холодильнике есть сукияки, я вчера приготовил.

Э-э, сукияки?

Цзи Кай, конечно, понимал, что это приглашение — скорее формальная вежливость. Но что поделать, если обеденное время прошло уже больше часа назад? Он был действительно голоден, и в животе настойчиво урчало. К тому же каждый, кто пробовал «сукияки», знает, какой магической силой обладает это слово.

Естественно, Цзи Кай сознавал, что это как-то неправильно. Чжу Лин все еще спал на пассажирском сиденье, а Е Инь заперлась в комнате и отказывалась выходить. Положение у

них с Ли Вэйду было донельзя дурацким, к тому же они питали друг к другу сильную антипатию и совершенно не имели общих тем для разговора.

Пока еду не подали, в просторной гостиной богача, оформленной в изысканном деревянном стиле, висела густая, нерастворимая неловкость. Единственной деталью, не совсем вписывавшейся в интерьер, была целая стена за их спинами, заставленная самыми разнообразными кружками и чашками причудливой формы. Целая стена посуды — м-да, у безумного человека и ремонт безумный.

Впрочем... сегодня он точно расширил свой кругозор. Гремели кастрюли и сковородки. Властный президент лично готовил для него, завязав серый фартучек и суетясь на открытой кухне. Это выглядело дико неестественно, но в то же время имело какой-то странный, очаровательный контраст. Его движения были сноровистыми и умелыми, сочный аромат говядины аппетитно наполнял воздух — пахло невероятно вкусно!

Нервное неловкое ожидание быстро сменилось нетерпеливым постукиванием по столу.

Вскоре на стол подали горячую кастрюлю. Кипящий бульон из комбу и стружки тунца отдавал легкой сладостью, а слегка проваренная говядина, обмакнутая в свежее сырое яйцо, дразнила вкусовые рецепторы. Нежный горячий тофу, сочные листья пекинской капусты, впитавшие насыщенный бульон, ароматные грибы шиитакэ, лапша конняку...

Цзи Каю аж на месте не сиделось от обжигающего жара, но его глаза горели голодным волчьим блеском, а палочки мелькали с невероятной скоростью. Еда в кастрюле убывала в геометрической прогрессии, ароматный бульон тоже не остался без внимания — под конец он чуть не вылизал дно кастрюли до блеска.

— ...Кайф!

Уровень шеф-повара пятизвездочного ресторана!

Умяв несколько килограммов еды, он с облегчением выбросил все мысли из головы и откинулся на кожаный диван, поглаживая сытый живот:

— Жизнь удалась! Для полного счастья не хватает только капельки алкоголя!

— Есть сливовое вино, но тебе еще за руль.

«Если в следующий раз я буду не за рулем...» — подумал Ли Вэйду и тут же замер. Нет, конечно же, никакого следующего раза не будет.

...

В доме по-прежнему было пусто. Сквозь панорамные стеклянные окна проникали тихие послеполуденные тени деревьев. Дверь в комнату Е Инь все так же оставалась плотно закрытой, словно там обитало привидение. Это место должно было быть «домом» для них двоих. Но с какого-то момента Ли Вэйду заметил, что они оба, словно по молчаливому согласию, перестали произносить фразу «поехали домой».

Вместо этого звучало лишь неопределенное и размытое «поехали обратно».